

Рис. Ю. Ганфа

ДА УБОИТСЯ ЖЕНА ЗА СВОЕГО МУЖА

— Смотри, не простудись, осторожнее переходи улицу и, пожалуйста, ни на одном документе не ставь резолюцию: «Утверждаю...» Береги себя!

Наступление продолжается

— Алло! Это кто? А! Здорово, Сеня!
— Привет, Гриша!
— Что слышно?
— Думаю, сегодня надо ожидать.
— Слыхал. Говорят, уже пушки повезли.
— А я точно знаю: будет. У Вани есть знакомая зенитчица. Она ему намекнула.
— А что взяли, не знаешь?
— Кажется, Краматорск.
— Если что-нибудь узнаешь точно, звякни.
— Есть!

* * *

— Алло! Кудряшов? Привет!.. Это я.
— Климов?
— Он самый.
— Сегодня что-нибудь будет?
— Обязательно.
— Двенадцать или двадцать?
— Два по двадцать. Из двухсот двадцати.
— Здорово!
— И один — двадцать четыре.
— Хорошо! А что взяли?
— По телефону неудобно. А вдруг что-нибудь изменится?
— А ты намекни.
— Ну, город на букву Р. Столица...
— Понимаю. В При...
— Вот, вот!

* * *

Порою чудится, что это было вчера. А иногда кажется, что все эти события происходили давным-давно.

Выступление многих депутатов на сессии напомнили нам о военных днях. В этих речах те же районы, те же города, что в оперативных сводках Совинформбюро. И мы почувствовали: наступление продолжается.

Пошли в атаку гвардейцы социалистического строительства, командиры и бойцы четвёртой сталинской пятилетки.

Они будут форсировать водные рубежи (сейчас они опять переименованы в реки) и строить плотины.

В восстанавливаемых населённых пунктах (то есть в городах и сёлах) разгорятся «уличные бои»: это будут соревноваться плотники с малярами, каменщики со штукатурами.

В многочисленных «котлах» военного времени гибли фрицы. В новых многочисленных котлах наших новых заводов растает спесь цилиндрических клеветников и провокаторов.

В бой вступают и мощные орудия блюмингов и подразделения автоматных станков.

Идут моторизованные части тракторных бригад и славная пехота косарей и жнецов.

Разведка в бою — большое дело. И вот уже спускаются под землю отважные разведчики недр земных.

Найдётся работа и для мастеров меткой стрельбы — для снайперов пера и кисти, которые будут вести огонь по лодырям, бездельникам, бюрократам, невеждам.

* * *

— Алло! Семён Петрович? Это я, Киреев.
— Здравия желаю, Иван Николаевич.
— Только что приехал из Украины.
— Ну, как там?
— Наступаем.
— Что-нибудь в ближайшие дни ожидается?
— Да. Пуск Днепрогэса.
— А ещё?
— Ещё кое-что. По телефону неудобно.
— Понимаю.
— Речь идёт о новом Н-ском заводе.
— В городе Н-ске.
— Вот, вот.

* * *

— Алло! Это кто? Товарищ Михеев?
— Я, Михеев.
— Говорят из министерства.
— Слушаю.
— Надо форсировать.
— Да мы уже на том берегу.
— Знаю. Надо форсировать темпы строительства.
— Есть форсировать!

Г. ПАНТЕЛЕЕВ

КАК ЭТО БЫЛО

В Анкаре происходил процесс над демократическими журналистами, чьи редакции и типографии были разгромлены фашистскими громилами.

Рис. И. Семёнова

— Всё в порядке, господин прокурор! Меры приняты! Мы напали на след потерпевших, и им не удалось ускользнуть от руки правосудия.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

шлись получить нужные показания свидетелей — людей, адвокат, повидимому, хочет привлечь в

качестве свидетелей скотов, надеясь, что подсудимый найдёт с ними общий язык.

ЛОНДОН. Здесь начал выходить из себя польский эмигрантский журнал «Мысль Польска». Язык журнала — польский, типография — английская, ориентация — фашистская.

БЕЛГРАД. Весь Белград занят генералом Михайловичем: в городе только и разговоров о том, что предатель Михайлович, наконец, посажен в белградскую тюрьму.

ТЕГЕРАН. Спешу сообщить, что помещённый в № 5 Крокодила политический авантюрист Сеид Зия-эд-Дин перемещён в камеру № 4 местной тюрьмы.

— Вместо подошедшего одногорбого верблюда надо затребовать из зооцентра другого. Но двугорбого.
 — Почему двугорбого?
 — Всё равно срежут наполовину.

ИЗ ПЬЕРА ЛЯШАМВОДИ
 (1807—1872)

ФОНАРЬ

Фонарь, на улице горевший еле-еле
 И вросший в тротуар столбом,
 Решил себе устроить новоселье.
 Заносчивый фонарь кричал о том,
 Что нужно новое светило,
 Которое бы солнце заменило:
 «Я — это солнце! В небе голубом
 Сиять хочу
 И ввысь взлечу
 Одним прыжком!»
 Светало... Проходил фонарщик... Он,
 Неслышанною спесью возмущён

И, хохоча над глупым самоменьем,
 Лжесолнце погасил одним движеньем.

Вам всем, король, министр и депутат,
 Народ дал власть; вас, господа, он славой,
 Почётом окружил, себе оставив право
 У недостойных власть забрать назад,
 Он был и есть сильнейший среди сильных,
 Он засветил фонарь, но сохранил гасильник.

ДВА ПЕТУХА

На Альбионе петушинный бой
 Объявлен был. И в ярости слепой
 Два петуха вытягивали шеи
 Для схватки на арене цирковой.

Уже захлопали на скамьях: «Поскорее!»
 Уже пошли пари на фунт и на гинею.—
 Когда один из чемпионов вдруг,
 Взглянув на скамьи и в небесный купол,
 Сказал другому: «Слушай, друг,
 Из-за чего нам драться? Очень глупо!
 Обогащая их, мы служим им.
 Давай подружиться и вместе
 Мы наших курочек, и просо сохраним,
 И жизнь, и отдых на насесте».

И перед цирком онемелым
 Два петуха, вскрывлив рывком,
 Направились к родным пределам,
 Оставив англичан с открытым ртом.

Александр ГАТОВ

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

ОЦЕНА ИЗ КОМЕДИИ «ДОМ ОТДЫХА»

Агенту по снабжению Зайцеву срочно необходимо получить подпись некоего Миусова. Но Миусов неслучайно. Зайцев едет в дом отдыха «Сыроежки», где отдыхает Миусов. Его туда не пускают, так как он забыл дома удостоверение личности. Но Зайцев — энтузиаст своего дела. Он во что бы то ни стало решил получить драгоценную подпись Миусова, хотя бы для этого надо было, как он говорит, пойти на преступление! Зайцев выдает себя за мужа знатной колхозницы Игнатюк и проникает в «Сыроежки». После целого ряда забавных приключений он всё-таки ловит неуловимого Миусова, и дело кончается ко всеобщему благополучию. Таково краткое содержание водевиля «Дом отдыха». Мы даём отрывок из водевиля.

Зайцев. Здравствуйте.
Шура. Здравствуйте.
Зайцев. Простите за беспокойство: это дом отдыха «Сыроежки»?
Шура. Да.
Зайцев. У вас сегодня отдыхает товарищ Миусов?
Шура (смотрит список на стене). У нас.
Зайцев. Отлично... (Деловито снимает калоши.)
Шура. Гражданин, обождите. Наденьте обратно ваши калоши.
Зайцев. Почему?
Шура. Потому. Наденьте, наденьте!
Зайцев. Ну, надел.
Шура. Вы кто такой?
Зайцев. Зайцев.
Шура (смотрит в список). Не знаю такого.
Зайцев. Ничего нет удивительного, что вы не знаете. Я Зайцев. Агент по снабжению. Мне по срочному делу необходимо видеть товарища Миусова. Это займёт ровным счётом две минуты. Товарищ Миусов только наложит резолюцию на эту бумажку, и я больше не буду затруднять вас своим присутствием. Всё уже согласовано.
Шура. Гражданин, я вам говорю: не снимайте калоши.
Зайцев. Почему?
Шура. Потому что я вас всё равно не пущу.
Зайцев. Мне надо. По срочному, неотложному делу.
Шура. Нельзя.
Зайцев. Почему?
Шура. Потому что у нас такое правило. Это дом отдыха. Здесь люди отдыхают. Поняно вам? И наденьте обратно ваши калоши. Наденьте, наденьте! И товарищ Миусов то же самое отдыхает. Он шесть дней работал, а сегодня он отдыхает. И его нельзя беспокоить. В особенности по делам. Это у нас строго запрещается. Если вам так непременно нужно к товарищу Миусову, то приходите к нему завтра на работу.
Зайцев. Мне надо именно сегодня.
Шура. Не знаю.
Зайцев. Завтра будет понедельник, восьмого. Правда?
Шура. Ничего не могу вам сказать.
Зайцев. Послезавтра будет вторник, девятого.
Шура. Может быть.
Зайцев. База закрывается на капитальный ремонт во вторник, девятого. Для того чтобы получить краску в понедельник, восьмого, нужно провести документы через бухгалтерию главного управления в тот же день, то есть в понедельник, восьмого, не позже десяти часов утра. Вы меня слушаете?
Шура. Слушаю, слушаю.
Зайцев. А документы нельзя провести без резолюции товарища Миусова. Но товарищ Миусов приезжает на работу в одиннадцать. Значит, понедельник, восьмого, пропадает. Вы понимаете? А база закрывается на капитальный ремонт во вторник, девятого. Если же мы обязаны открыть не позже чем в понедельник, пятнадцатого. А для того чтобы открыть ясли в понедельник, пятнадцатого, мы должны иметь краску в среду, десятого. Вам это ясно? Но так как база закрывается на капитальный ре-

монт во вторник, девятого, то для того, чтобы получить краску в понедельник, восьмого, документы нужно провести через бухгалтерию главного управления в понедельник же, восьмого, не позже десяти часов утра. Видите, какая штука? Но так как без резолюции товарища Миусова документы нельзя провести через бухгалтерию главного управления, а товарищ Миусов приезжает на работу в одиннадцать, то мы рискуем остаться без краски... (Снимает калоши.)
Шура. Не снимайте ваши калоши. Не снимайте, не снимайте!
Зайцев. Я не снимаю. Без краски! Вы понимаете, что это значит?

Шура. Я ничего не знаю.
Зайцев. Слушайте! После страшного боя мне удалось вырвать полный комплект детских кроваток. Вы шутите? Полтора десятка малюток кроваточек с пружинными сеточками, полтора десятка крошечковых тумбочек, полтора десятка вешалочек, вот таких низеньких, и полтора десятка вот таких малюсеньких стульчиков. Я их буквально вырвал зубами. Причём, не забывайте, что я человек уже немолодой и у меня астма. За одно это мне можно поставить памятник. Но вы понимаете, в чём ужас? Вся эта превосходная малютковая мебель выкрашена в какой-то убийственный цвет. Я вам даже в двух словах не берусь объяснить, что это за цвет. Как бы вам сказать? Вы имеете понятие, что такое лягушка? Впрочем, нет. Лягушка — это ещё даже сравнительно красиво. Жабу вы когда-нибудь видели? Старую, бородавчатую жабу, покрытую зловещими пятнами?
Шура. Тьфу, ну вас, в самом деле, всякие гадости рассказываете! Что вам от меня надо? Какие-то жабы... Противно слушать!
Зайцев. Вам противно? А маленьким детям не противно? Да ни один нормальный малюток не заснёт в кроватке, выкрашенной в такой жабий цвет. Дети будут вскакивать по ночам и дрожать от ужаса. Дети будут кричать. Они заболеют нервным расстройством.
Шура (плаксиво). Гражданин, я не понимаю, что вам надо?

Зайцев. Мне надо высококачественную белую эмалевую краску. Мне надо, чтобы к открытию яслей в Деевом переулке все детские кроватки, вешалочки, пумбочки и стульчики были идеально белыми и сверкали, как молоко. Это для меня вопрос чести, поскольку дело снабжения возложено на меня. Вопрос чести! Вы понимаете? Там, где дело касается моей профессиональной чести, я не отступаю. Пустите меня к Миусову!

Шура. Не могу.
Зайцев. Я вас прошу, как сознательного гражданина!
Шура. Не имею права.
Зайцев. Я вас прошу, как человек человека. Как человек человеку, вы мне можете помочь?
Шура. Я же вам сказала: нельзя. Раз нельзя, значит невозможно.
Зайцев. Слушайте, я прошу вас, как женщину!
Шура (хихикая). Какие вы странные... Нет, нет! Наденьте обратно ваши калоши.
Зайцев. У вас нет сердца!
Шура. Только без нахальства.
Зайцев. Пустите.
Шура. Не имею права. Вы посторонний.
Зайцев. Я не посторонний. Я Зайцев. Мне нужна высококачественная белая эмалевая краска. Ну? Пускаете?

Шура. Нет.
Зайцев. Хорошо. Сколько стоит однодневное пребывание в вашем доме отдыха?
Шура. Семнадцать рублей семьдесят пять копеек.
Зайцев. Ой, ой! За один день? Это недёшево. Бухгалтерия мне, конечно, такой расход не утвердит. Но всё равно. Другого выхода нет. Плачу из своих личных средств. Получите!
Шура. Что вы делаете?
Зайцев. Вношу деньги за суточное пребывание в вашем доме отдыха. Можно?
Шура. Можно. Вы служащий?
Зайцев. Служащий.
Шура. Удостоверение с места службы имейте?

Зайцев. Как же, конечно.
Шура. Давайте.
Зайцев (ищет по всем карманам). Представьте себе, нету. Деньги есть, а паспорт и удостоверение с места службы забыл в другом пиджаке.
Шура. Тогда ничего не выйдет. Спрячьте ваши деньги. Спрячьте, спрячьте!
Зайцев. Почему?
Шура. Потому что я вас не могу пустить без паспорта и без удостоверения. Откуда я знаю, кто вы?
Зайцев. Я Зайцев. Агент по снабжению.
Шура. Очень может быть, но только это неизвестно.
Зайцев. Я же вам говорю.
Шура. Мало что вы говорите. А может быть, вы какой-нибудь, я извилюсь, жулик?
Зайцев. Слушайте, поверьте мне! Я вас очень прошу... Сегодня седьмое, завтра восьмое, база закрывается на капитальный ремонт девятого, а если мы обязаны открыть пятнадцатого. Войдите в положение... (Снимает калоши.)
Шура. Гражданин, наденьте обратно ваши калоши. Наденьте, наденьте! Не пущу. Сказано!
Зайцев. У вас каменное сердце!

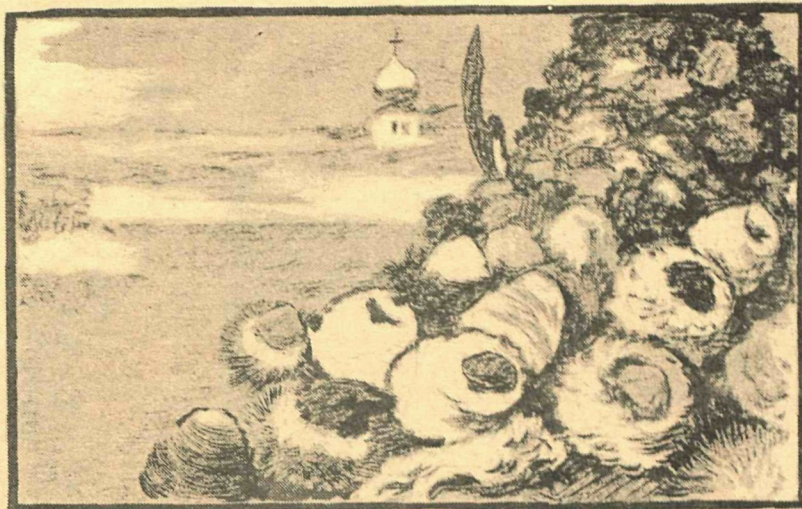
Валентин КАТАЕВ

КАРТИНКИ ПРО КАРТИНКИ

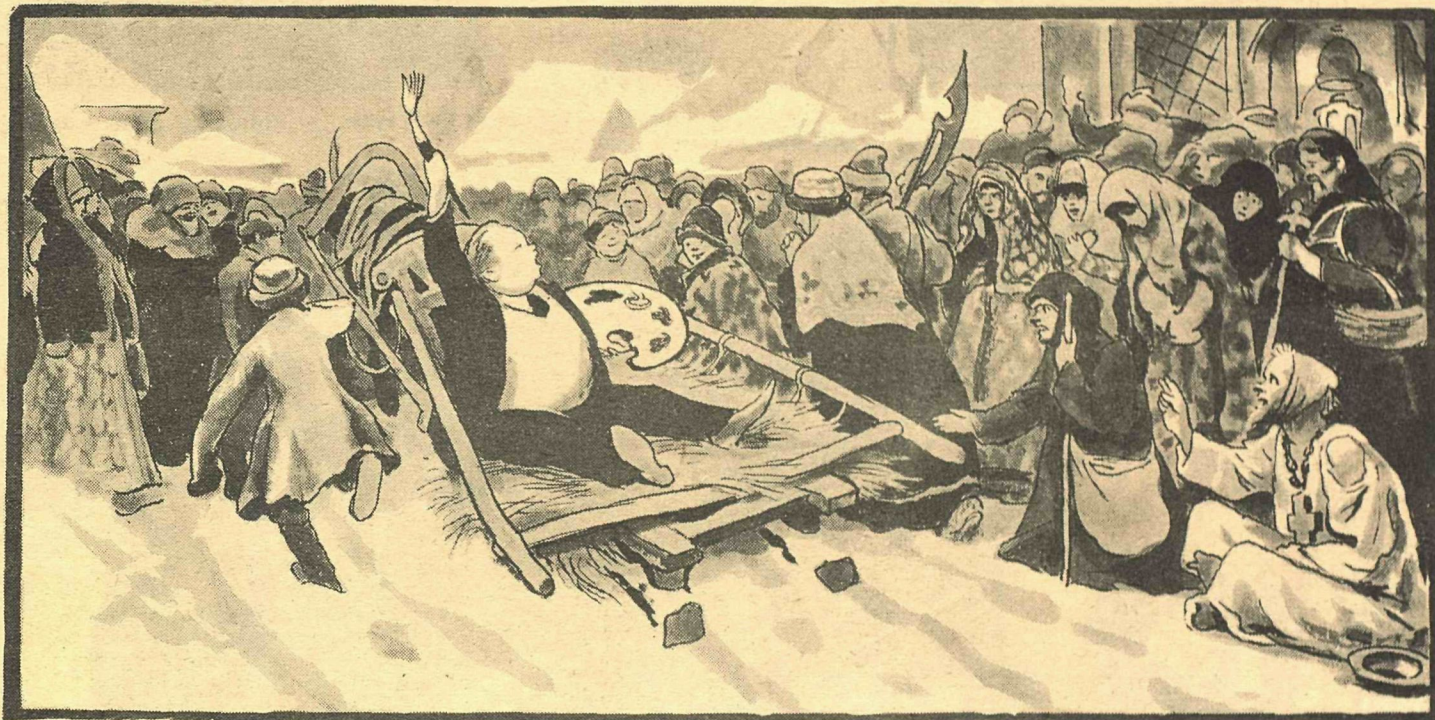
Наднях наш художник Б. Пророков посетил Всесоюзную художественную выставку. Выставка ему в общем и целом понравилась. Однако некоторые полотна невольно пробудили его сатирический темперамент. Он даже не удержался и сделал пародийные зарисовки в своём блокноте.

Картина Владимира Серова мучительно напомнила ему картину Сурикова «Боярыня Морозова». Полотно Горелова «Восстание Болотникова» поразило его обилием головных уборов, овчинных воротников и прочих меховых изделий, из-за которых совершенно не видны люди.

Здесь публикуются вольные репродукции этой продукции.

Картина Горелова «Шалоптное знакомство с влохой».

Картина Серова «Не в свои сани не садись».

СЫНЫ ЭФИРА

ПО ВСЕМ признакам вечеринка обещала быть удачной. Дамы были красивы, мужчины — галантны, холодец — прекрасен. Сыпались милые шутки, от которых даже селёдка блаженно ухмылялась на блюде. Как и на каждой вечеринке, здесь была пара влюблённых, которые весь вечер молчаливо смотрели в глаза друг другу и до хруста сжимали руки. И, глядя на них, всем хотелось быть чистыми и хорошими, и никогда не лгать, и переходить улицу в положенных местах, согласно правилам ОРУД.

В антракте между холодцом и пельменями хозяин, охваченный припадком честолюбия, решил похвастать новым радиоприёмником и стал поворачивать чёрное колёсико. Комната наполнилась свистами и мяуканьем мировых пространств. Под божественный вальс из «Лебединого озера» пельмени из тарелок сами подымались в воздух и грациозно, будто на пуантах, прыгали в рот.

Честолюбец-хозяин, уверявший, что накануне в это время он поймал Цейлон, снова повернул колёсико. И вдруг гости услышали слова русской речи. На короткой волне происходил диалог:

«Как живёшь, Павел Андреевич?» — осведомлялся некий бас.

«Лучше всех, Иван Иванович», — бодро отвечал заискивающий тенор.

— Наверное, скетч передают, — решил хозяин, — или отрывок из пьесы. Поищем дальше... — и он хотел было повернуть рычажок в направлении искомого Цейлона.

Но гости запротестовали:

— Нет, нет! Послушаем скетч. А может, это из Островского...

Однако выяснилось, что это не скетч, а радиотелефонный разговор между Тбилиси и Москвой. Некто Павел Андреевич Сердиенко из Тбилиси (телефон № 3-20-59) разговаривал со своим московским начальником Иваном Ивановичем.

«Ну, как там бухгалтерша, что я тебе прислал?» — спрашивал Иван Иванович из Москвы.

«Позвольте доложить: она, оказывается, беременна и уходит наднях в декретный», — отвечал тенорок из Тбилиси.

«Если так, то гони её в шею! Сразу же!» — басило начальство.

«Так ведь неудобно же, Иван Иванович! — заливисто извинялся тенорок. — Закон и прочее...»

И тут гости внезапно услышали фиоритур и пассажи отнюдь не из «Лебединого озера». Разъярённый бас Ивана Ивановича запускал в эфир на коротких волнах такую «элоквенцию»,

такой многоэтажный мат по адресу бухгалтерши, что у гостей загорелись уши.

— Да, это не из Островского... — смущённо констатировал хозяин.

А хулиганы продолжали матерную брань по радио, как будто ссорились в третьеразрядной пивной после монументальной выпивки. В конце концов радиособеседники договорились, что Иван Иванович пришлёт Павлу Андреевичу телеграмму с приказом уволить немедленно бухгалтера «ввиду затяжки начала строительства».

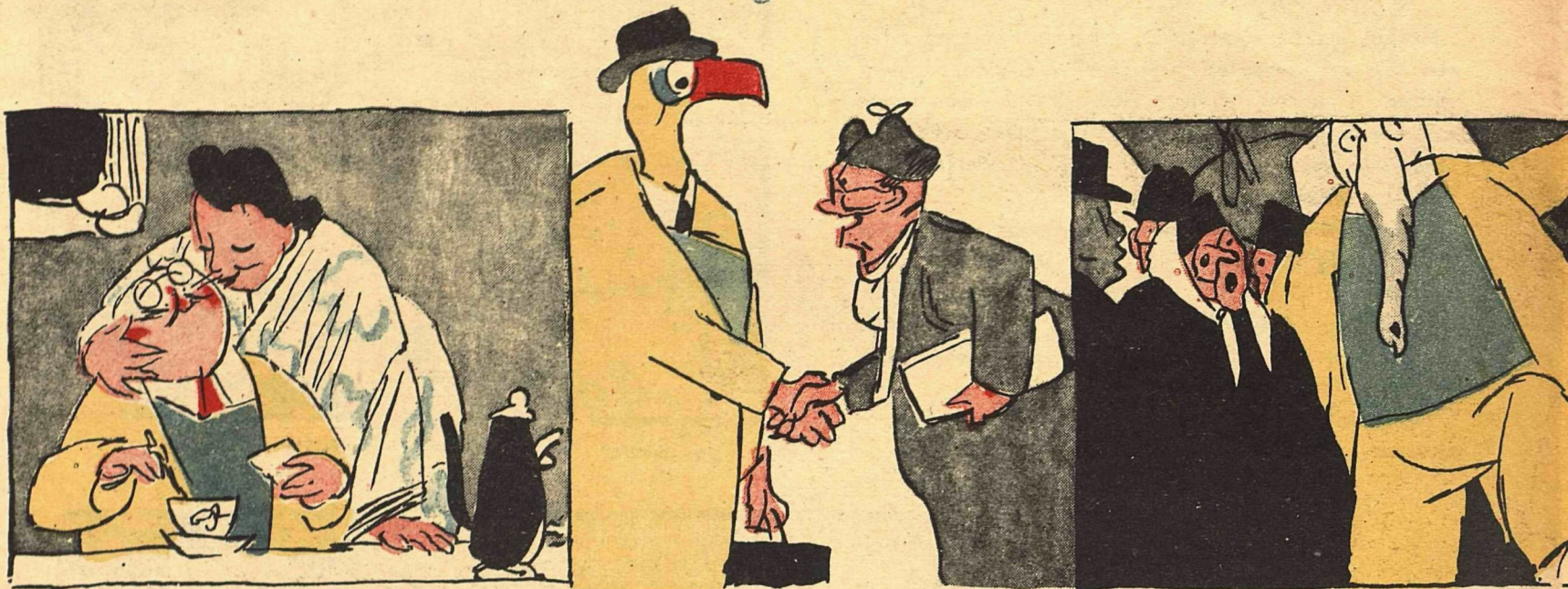
И хотя через секунду зазвучала фулада Шопена, но в механизме вечеринки что-то оборвалось. Пирушка пошла под уклон. Влюблённые разжали руки и стали говорить друг другу колкости. Холодец показался прокисшим.

Скоро гости разошлись, перепутав калоши. Они тоскливо побрели домой, переходя улицу в неположенных местах, вопреки указаниям светофора.

Мы не знаем, чем занимаются и где работают Павел Андреевич Сердиенко из Тбилиси и Иван Иванович из Москвы. Мы знаем только номер тбилисского телефона (указан выше). Нам написали об этом случае «потерпевшие» — участники вечеринки: директор-подполковник пути и строительства Южной железной дороги Храковский, инженер-майор тяги Белогуров и другие.

Нет, не для того Попов изобретал беспроводной телеграф, чтобы Павел Андреевич и Иван Иванович могли вести свои омерзительные, площадные разговоры! Сие не то что в эфире: в трактире воспрещается!

• БРАТЯ ТУР

— Кушай, котик,— сказала мне жена за завтраком.

— Да ты прямо орёл! — воскликнул встретивший меня на улице приятель.

— Прёт, как слон! — приветствовали меня в трамвае.

— Хорош гусь! — без всякой причины аттестовали меня в магазине.

— Не дал прикурить, свинья! — переквалифицировал меня бойкий мальчик.

— Что устала? — сказали мне в трамвае. Перерыв.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

ЖИЗНЕННАЯ ДРАМА

— Сегодня газеты сообщают, что миссис Джонс из Канзас-Сити кремировала своего третьего мужа.

Старая дева: — Как ужасна жизнь! У одних нет ни одного мужа, а другим приходится их сжигать.

ПРАВО ПЕРВЕНСТВА

— Первая мысль, когда я просыпаюсь, о тебе, моя дорогая!
— Подумаешь! Мистер Джонс говорит мне то же самое!
— Да, но я просыпаюсь раньше его.

ВЕРНЫЙ ПРИЗНАК

Посетитель (разрезая цыплёнка): — Это, должно быть, инкубаторный цыплёнок?
Официант: — Почему вы так решили, сэр?

Посетитель: — Ни один цыплёнок, имеющий мать, не может быть таким тощим.

ОБРАДОВАЛСЯ

— Чорт, мне дозарезу нужны 5 долларов, и я не знаю, где их достать!
— Очень рад слышать это, а то я подумал, что вы попросите их у меня.

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

— Она сказала, что я самый красивый, самый отважный мужчина во всём мире!
— Не женись на девушке, которая с самого начала обманывает тебя!

ЗАБЛУДИЛСЯ

Пьяный: — Скажите, где я нахожусь?
Прохожий: — На углу Бродвея и Сорок второй улицы.
Пьяный: — К чорту подробности! Как-кой эт-то город?

ОТРЫВКИ ИЗ Н...

Облысевшая голова его работала, как часовой механизм, — с одним волоском.

Глаза — зеркало души. А очки?

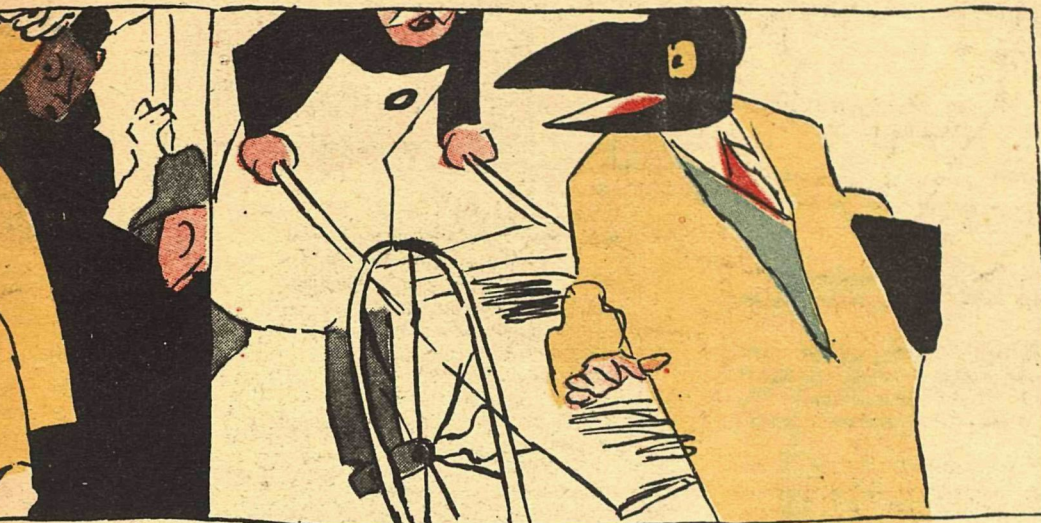
Все артерии у него были сонные.

Блоха-выскачка.

Каждую приставшую к нему мысль он по прошествии трёх дней считал своею.

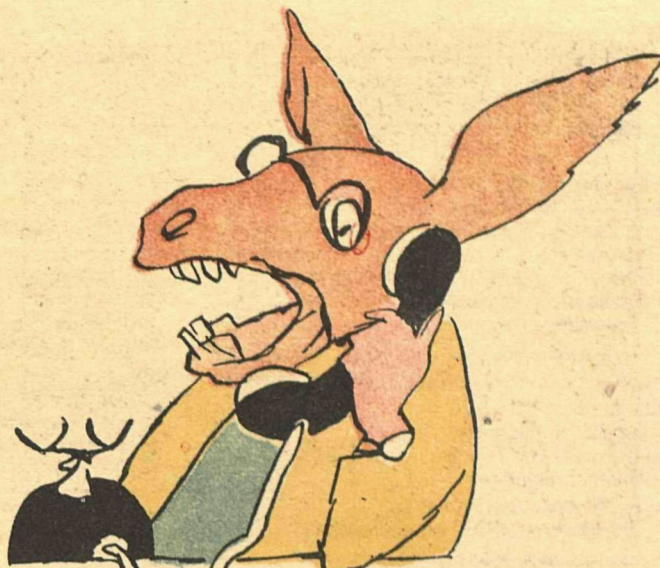
У рака будущее позади.

«Мне теперь не до шуток, — мрачно говорил драматург, — я пишу пятиактную комедию».

амые пассажиры.

— Сойди с дороги, ворона! — сказал мне дворник.

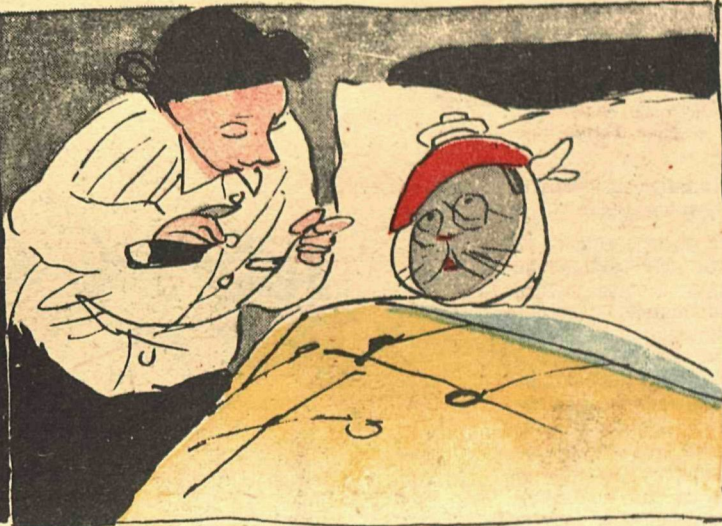
— Положите трубку, осёл! Вы не туда попали,— разъяснил мне по телефону незнакомый голос.

вился, как баран на новые ворота в справочном бюро.— Справочник был на обед.

Когда я возвратился домой, на лестнице меня так обозвали, что у меня потемнело в глазах.

— Ты, поди устал за день, котик?— спросила меня вечером жена, отсчитывая валерьяновые капли.

НАПИСАННОГО

И малые формы хороши, если в них выпекают сдобу.

Писатель стоял перед публикой так величественно, точно это был не он, а памятник ему.

О поэте Н.:
«Бесцветен, как воздух, но менее необходим».

Она меняла наряды, как еженедельник — обложки.

Холодный по натуре, он жил, как термометр, — чужим жаром.

Кучер был хорошо подкован в своём деле, чего нельзя было сказать о лошади.

М. ЯКОВЛЕВ

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

«ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ» ЗАПИСКА

Управляющий Кировским областным трестом «Росглавхлеб» тов. Миндальян представил объяснительную записку к годовому отчёту треста. В разделе «Труд и зарплата», на 20-й странице, между прочим, сообщается следующее:

«Кроме того, необходимо указать, что в отчётном году значительно возросли потери рабочего времени по беременности, родам и другим госповинностям, если трестом не будут приняты энергичные меры по механизации тру-

добрее процессов, то эти потери, увеличиваясь в дальнейшем, могут привести к затруднениям выполнения плана по производительности труда».

КЛИМАТИЧЕСКИЕ СТРАННОСТИ

Управление агрометеорологической службы Министерства земледелия Азербайджанской ССР направило 26 февраля 1946 года прогноз погоды на март по Апшерону:

«В начале, середине и конце месяца будет сухая погода, в остальной части месяца ожидаются осадки незначительного характера».

ЖИДКИЕ ПАПИРОСЫ

Доверенность

Выдана Клименко Василию Ивановичу на получение от ОРС'а ДН-1 ст. Зуевка Пермской ж. д. по наряду

Наименование товаро-материальных ценностей

Единица измерения

папиросы

1.000 литров

Начальник (подпись).

Главный бухгалтер (подпись).

Я тяжело болен

СУТРА я почувствовал себя не в своей тарелке. Что-то уж слишком здоров я был последнее время. Даже насморк исчез. А должен вам сказать, что у меня хронический насморк, без которого я себя ощущаю, как без носа.

Разыскав градусник, я засунул его подмышку. Однако моё нетерпение было настолько велико, что, вместо того чтобы держать градусник десять минут, я вытащил его на первой. К ужасу своему, я увидел, что температура уже успела подскочить до тридцати шести и шести. Это за одну минуту!

Мне стало ясно: я тяжело болен. Поэтому я позвонил в районную амбулаторию и вызвал на дом врача.

Врач пришёл в середине дня. Потирая руки, он быстро вошёл в комнату и, оглянувшись, спросил:

— Итак, где же больной?
— Он здесь, — ответил я приветливо.
— Но нас только двое?
— Правильно. Вот один из нас и болен.
— Что вы хотите этим сказать?
— Только то, что больной — это я.
— Вы? Так, так. Похоже на то... Что же у вас болит?

Я подумал и ответил:

— Всё.
— А всё-таки?
— Всё-таки тоже всё: грудь, живот, горло, спина...
— Снимите рубашку и ложитесь на диван.

Пока я это делал, он раскрыл свой чемоданчик и вынул оттуда нечто, напоминающее уздечку. Расположившись на диване животом кверху, я с интересом наблюдал, как врач взнуздывал себя в этот прибор. Закончив свои приготовления, он подошёл ко мне и склонился над моей грудью. Внезапно я почувствовал прикосновение чего-то холодного.

— Ой! — воскликнул я. — Доктор, я забыл вас предупредить, что боюсь щекотки.

— Лежите спокойно и воздержитесь от неуместных шуток.

— Какие там шуточки! Я действительно боюсь щекотки. Ещё в детстве, знаете ли... — начал я, но в это время он с такой силой надавил мне на рёбра, что я чуть не задохся.

— Здесь болит? — спросил он.

— Ох! — прохрипел я. — Да...

— Прекрасно!

Разумеется, я был иного мнения на этот счёт. Но не успел я высказать эту мысль, как врач воткнул мне большой палец под ложечку.

— А тут?

— Уй-уй! — воскликнул я. — Ну, конечно... — Стлично!

Вслед за этим он так нажал на мой живот, как если бы это был тубик с зубной пастой. При

этом врач даже вообще ничего не сказал, а лишь только вопросительно взглянул на меня.

— В-з-з! — ответил я.
— Очень хорошо!

Перевернув затем ловким движением потрошителя меня на живот, врач приказал:
— Дышите!

Я стал дышать. Разумеется, я дышал и до этого, однако теперь я постарался делать это более тщательно. Но моё поведение не удовлетворило его:

— Глубже дышите. И не сопите носом. Стоило послушать, как я задышал после этого!

— Теперь не дышите, — вдруг заявил врач. — Но только что вы сказали, чтобы я дышал?
— А сейчас я хочу, чтобы не дышали! — сказал врач и добавил: — Ф-ф-ух! Я впервые встречаю такого больного.

— Вы меня мучаете, доктор, — сказал я, невольно, разумеется, нервничая. — Во всяком случае, я прошу вас сказать мне всю правду. Откровенность лучше всего.

Моё стремление сохранить самообладание, очевидно, растрогало его. Сдерживая волнение и стараясь не глядеть мне в глаза, врач сказал:

— Сядьте к окну.

Я сел. Он стал напротив меня:

— Откройте рот.

Я открыл.

— Высуньте язык.

Это было невежливо, но я высунул.

— Откройте шире рот.

Идя ему навстречу, я так открыл рот, что у меня чуть не свело челюсть.

— Скажите: «А-а-а».

— А-а-а-а-а-а-а-а-а-а...

— Довольно!.. Есть у вас аппетит?

— Нет. Я только что пообедал.

— У-ф-ф!.. Какая у вас температура?

— За одну минуту мне удалось набрать более тридцати шести градусов. Итого...

— Поставьте градусник!

— Но можно подсчитать...

— Поставьте градусник!

— Я просто хотел сберечь ваше время...

— Поставьте градусник!!!

Врач так жалобно скрипнул зубами, что я решил выполнить его просьбу.

Десять минут мы сидели молча, со вниманием рассматривая друг друга.

— Надеюсь, что градусник там не раскалится, доктор? — попробовал я пошутить, чтобы показать врачу, что я ещё вполне владею своими нервами.

Но врач мне ничего не ответил. Очевидно, он считал, что серьёзность положения делает момент неподходящим для шуток. Наконец, требуемое время истекло, и я передал врачу градусник.

Молча взглянув на шкалу, врач отложил градусник в сторону и стал складывать свои вещи. Я тоже взглянул на градусник и увидел, что он опять показывает тридцать шесть и шесть.

— Градусник испорчен, — сказал я, стараясь говорить спокойно, — такое показание он даёт за одну минуту. Поможете результат на десять?

Врач внимательно посмотрел на меня и промычал:

— Множьте сами. Я не математик.

— Не надо быть математиком, чтобы помножить на десять, — резонно возразил я. — Достаточно приписать нуль или переставить запятую...

— Ну, ладно, — перебил он вдруг. — С меня хватит.

При этих словах, захлопнув свой чемоданчик, врач направился к двери.

— Постойте, доктор! Но что же вы мне скажете? Ведь мне кажется, что даже безнадежным больным врачи не должны отказывать в совете.

— Мне нечего вам советовать, — сурово промолвил врач. — Таким, как вы, медицина помочь не может.

Сказав это, он вышел.

Вот вам лишнее доказательство бессилия медицины. Уже который раз доктора говорят мне эту фразу.

С. КОТЛЯР,

РАЙЗДРАВИА ЖЕЛАЕМ!

Рис Л. Бродаты

— Ну и здоровяк наш заведующий райздравом! За два года ни разу в больнице не был.

Старый знакомый

ЗАВОД ИЛИ ЗАВОДЬ?

В инструментальном цехе Первого московского подшипникового завода гвязно. В центре цеха — лужа.

Рис. А. Каневского

ОТРАДНО после долгих лет разлуки встретить старого знакомого.

«Да вы ничуть не изменились». «Нет, уж оставьте, вот вы действительно выглядите молодцом». «Был конь, да изъездился. Уже почти вся голова седая». «Это ничего. Седина в бороду, а бес в ребро, хе-хе...»

Затем начинаете в два голоса исполнять попури из радостных междометий, взволнованных вопросов и овечьих грустью многоточий.

А бывает и наоборот. Встретишь старого знакомого на улице и норовишь перейти на другой тротуар. Тут же невольно вспоминаешь строки романа: «Не надо встреч, не надо продолжать». Не надо встреч, потому что тот индивидуум пробуждает в тебе тягостные воспоминания.

Но порою такие свидания неизбежны.

Вы помните, Константин Степанович, наше первое знакомство? Могу точно указать дату: 23 июня 1939 года. Был погожий летний день. На бульварах цвели левкои и душистый горошек. А в Архиве профдвижения благоухали вы.

Мы познакомились с вами на шестой странице «Правды», в маленьком фельетоне «Назойливый спутник».

В фельетоне говорилось о том, как директор архива Гулевич, то есть вы, Константин Степанович, беззастенчиво прикарманивал чужие произведения. Там же приведена характеристика, которую партийная организация архива дала своему неутомимому директору:

«Работе архива тов. Гулевич не уделяет внимания, интересуется только работой публикаторской группы, где, используя своё положение директора, присваивает труды научных сотрудников архива... Помимо этого Гулевич зажимает самокритику, в своей работе имеет одну цель — погоню за рублём».

Нагрузив таким тяжёлым вкладом свою биографию, вы ушли на другую работу. Прошло свыше шести лет. За это время много воды утекло. Но эта вода не утолила вашей жажды.

Мы не хотели этой новой встречи. «Забыты нежные лобзанья...» Но вот приходится. Ничего не напишешь. Вернее, ничего не напишешь, кроме эпих печальных строк.

* * *

На первый взгляд это кажется обычным жилищным «делом», завёрнутым в серую потрёпанную папку.

Но мы из этой папки извлечём не цифры, повествующие о кубатуре спорной жилплощади, и не цифры, рассказывающие о количестве судебных повесток.

Мы приведём здесь цифры подчищенные, подделанные, фальшивые. Словом, свидетельствующие о нарушении элементарных основ советской морали.

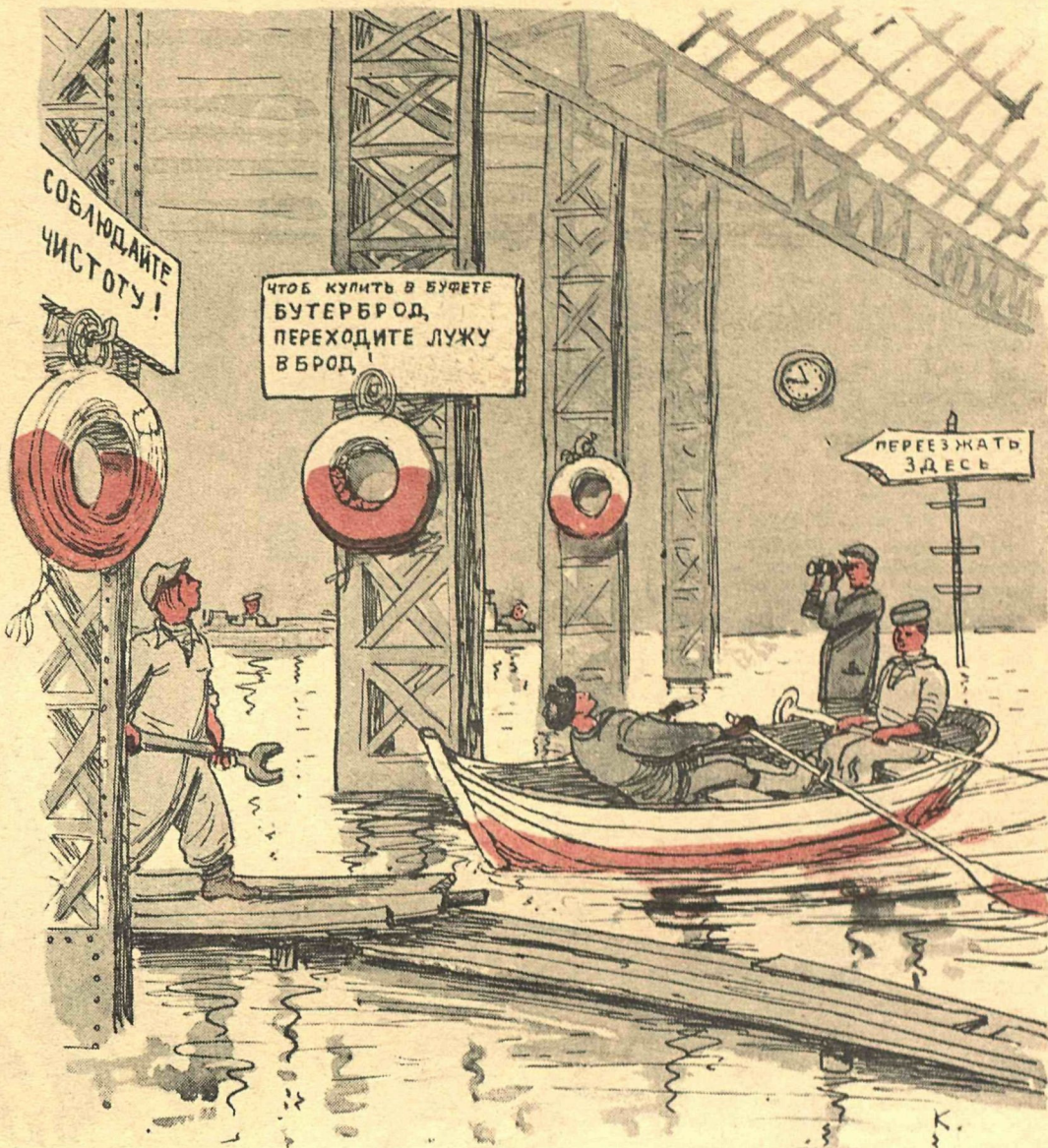
Ей-ей, нас в данном случае мало занимает жилищный поединок между Константином Степановичем Гулевичем и Евгенией Евгеньевной Лигской. Но мы не можем пройти мимо того факта, что Гулевич принёс на этот поединок запрещённые приёмы и недозволенное оружие.

Вот как это было. В октябре 1941 года Гулевич эвакуируется из Москвы. Эвакуируется в индивидуальном порядке. Поселяется в городе Фрунзе. Не платит за московскую квартиру. Не платит целый год.

Две комнаты, некогда принадлежавшие Гулевичу, пустуют. В 1943 году Моссовет выдаёт на них ордер Е. Е. Лигской.

Гулевич имеет отношение к юриспруденции. Кроме того он имеет отношение к своему сыну, а сын — адвокат. Следовательно, ссылаться на незнание закона не может. А, по закону, он потерял право на свою квартиру. Закон есть закон. Независимо, нравится ли он Гулевичу или нет.

Гулевичу не нравится. Он решил обойти закон.

Водяная феерия на Шарикоподшипнике.

В августе 1944 года Гулевич возвращается в Москву. Ему, конечно, обидно: потерял квартиру. Его огорчение нам понятно. Нам было бы понятно, если бы он начал искать комнату, хлопотать, ходатайствовать: человек должен где-нибудь жить.

Но где бы ни жил человек, он должен жить правильно. Это не пришло в голову Гулевичу: сие помещение до краёв занято другим.

Фирма «Гулевич и сын» начала с подъёмом фабриковать фальшивки, подложные бумажки, делать подчистки в справках.

Одна подложная бумажка ввела в заблуждение нарсуд — и Гулевич, гордо помахивая приговором обманутого судьи, занял одну из двух комнат, принадлежащих сейчас Лигской, занял самую большую и светлую комнату.

И светлую комнату можно порою добыть тёмным путём. Гулевич представил в нарсуд две копии квитанций об уплате в 1942 году квартирной платы. Копии заверены нотариальной конторой города Фрунзе. Эти бумажки — уже потом, когда Гулевич занял комнату, — показались прокуратуре подозрительными. Начали проверять — и в итоге в частном определении Московского городского суда читаем:

«Судебная коллегия при рассмотрении настоящего дела установила, что истец Гулевич К. С. и соистец его сын Гулевич К. К. допустили явно преступные действия. В подтверждение своих исковых претензий использовали под-

дельные документы, в частности две копии квитанций... заверенные нотариальной конторой г. Фрунзе.

Проверкой прокуратуры Союза ССР установлено, что в 1942 г. Гулевич вообще никаких документов в нотариальной конторе г. Фрунзе не заверял...»

Вслед за этим на простор судебных волн выплывает новая расписная бумажка — справка, выданная райисполкомом Советского района Москвы. Она гласит, что Гулевич представил в райисполком квитанции об уплате за квартиру, но квитанции были потеряны райисполкомом.

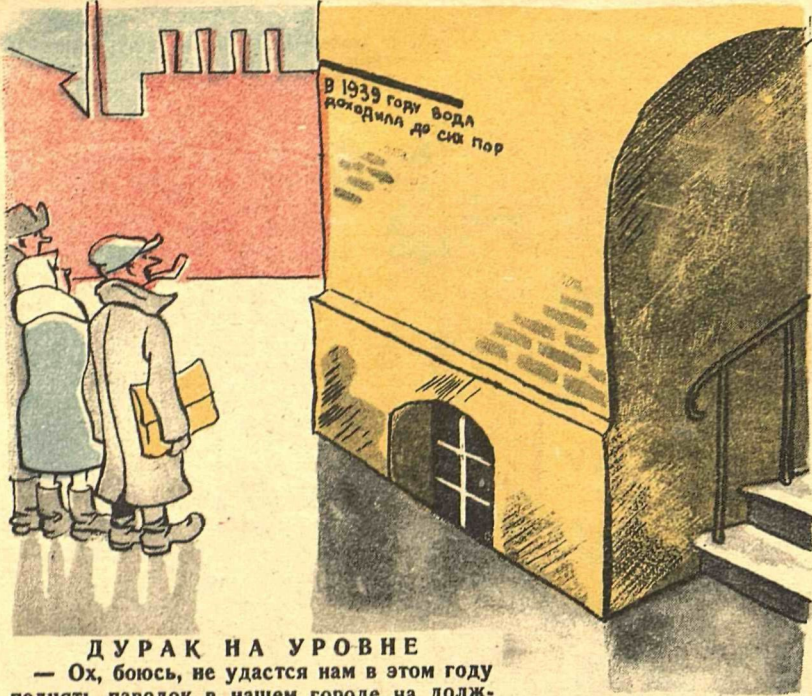
Очередная фальшивка. О чём вскоре Советский райисполком доведёт до сведения «суда». Выяснилось, что Гулевичам удалось «угорорить» (какие ораторские способности!) технического работника райисполкома подписать такую справку, и очарованная техническая девица Зиновьева оставила на готовой бумажке свой автограф.

Можно было бы привести ещё несколько примеров этакой ловкости рук. Но хватит. Пора кончать.

Вобщем пора кончать это дело, которое тянется уже около года. Откровенно говоря, боязно за Гулевича: как бы наш старый знакомый не натворил новых бед на свою голову.

Г. РЫКЛИН

В Е Ш Н И Е В О Д Ы

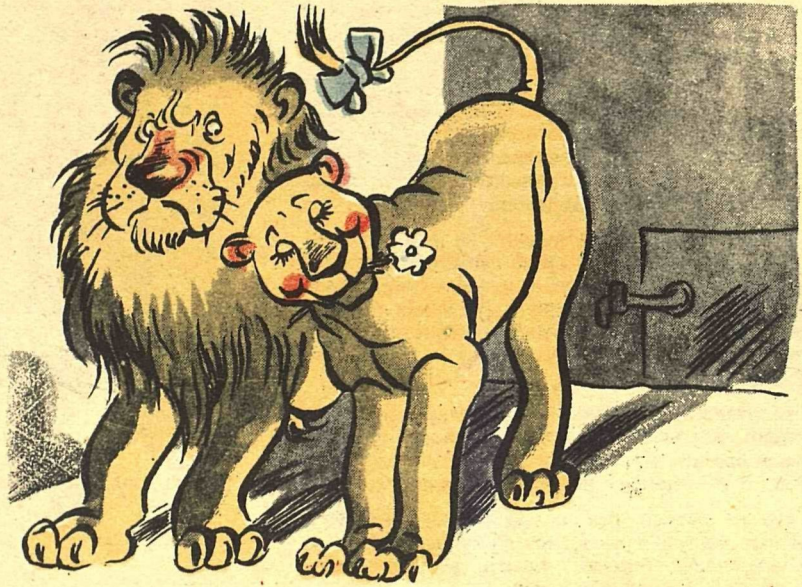
ДУРАК НА УРОВНЕ
— Ох, боюсь, не удастся нам в этом году поднять паводок в нашем городе на должную высоту!

ЗАБОТЛИВЫЙ УПРАВДОМ
— Скажите: а у вас крыша не протекает?

Весна на носу.

— Не рычи хоть сегодня. Мне хочется что-нибудь нежное услышать.

— К курортному сезону я в общем и целом готов: горы — на должной высоте, за море тоже можно не волноваться... Вот только помещенные отремонтировать ещё не успели!

ЗАВ ПИВНОЙ У МОРЯ
— Столько пены, а ни копейки на ней не заработаешь!

Один праведник воспел великим желанием в пост отвесть мясного. Чтобы обойти запрет, святой отец превратил поросё в караса и преспокойно утолил свой голод.

Захотелось управляющему Черниговским областным автотрестом И. Бондареву отдать под суд кладовщика Салея, который не представил каких-то сведений. Законных оснований для этого не было. Тогда Бондарев решил обойти закон и издал по тресту приказ:

«С сего числа, как сознательно не выполнившего моё распоряжение, кладовщика Салея отстранить на день от работы и считать день прогулом, материал оформить в суд».

Как видите, Бондареву удалось осилить проблему большого масштаба, чем праведнику с поросёнком. Но праведником Бондарев всё же не стал. Да он, судя по приказу, к этому и не стремился.

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

В своё время Фридрих Шиллер сочинил трагедию «Коварство и любовь». Причём, не учтя возможностей Московского Камерного театра, расплсал её до пяти актов. Однако коллектив артистов театра не растерялся и свёл пьесу до трёх актов. И в таком виде собрался показать её в клубе Н-ской части, в Москве.

Но по ходу действия выяснилось, что талантливые актёры совершенно свободно укладываются в два действия.

Таким образом, в этом захватывающем двухактном спектакле театру удалось показать достаточное количество коварства (по отношению к зрителям) и никакой любви.

О ПОЛЬЗЕ СЕНА

Некоего школьника как-то спросили:

— Откуда добывается творог?

Мальчик, не растерявшись, ответил:

— Из вареников.

Спросите директора Краснодарской школы садоводов Амвросия Селиверстовича Королёва: откуда добывается молоко? Он без запинки ответит: из сена.

И уважаемый директор будет бесконечно прав. Ведь это ему удалось получить из полутонны сена среднего качества 95 литров высококачественного молока.

— Как? Каким образом? — спросит изумлённый читатель.

Очень просто. Нужно взять полтонны казённого сена, как это сделал талантливый Амвросий Селиверстович, и обменять его на рынке на 95 литров молока.

Правда, этот способ сопряжён с некоторыми неудобствами: не всегда под рукой есть сено. Но при наличии творческой мысли сено можно заменить каким-нибудь другим казённым добром.

Кроме того метод Королёва открывает широкие возможности для добычи и других сельскохозяйственных продуктов.

ДРАМА С ДРАМАТУРГОМ

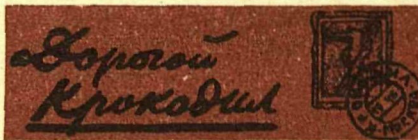
Рис. С. Костина

— Ничего не понимаю: все типы в моей пьесе положительные, а все рецензии о моей пьесе отрицательные.

— Когда я женюсь, многие девушки будут страдать.
— Многие? А мы думали, что ты женишься на одной.

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Начальник Управления по делам полиграфии и издательства Молдавской ССР товарищ Кузнецов занят плодотворной деятельностью по выпуску колоссальными тиражами обещаний и посулов.

Ещё в начале прошлого года он клятвенно обещал, что «в мае всё завертится», имея в виду печатание учебников. Однако прошёл май, июнь, июль — и ничего у Кузнецова не вертелось. Тогда он щедро начал разбрасывать посулы, что скоро учебники будут печёсья, как блины. Но, как говорится, первый блин — комом: учебников выпущено очень мало.

Так всё время вертится и изворачивается Кузнецов. И все блины его — комом да комом.

И. ДМИТРИЕВ,

управляющий Госиздатом Молдавии

г. Кишинёв.

Дорогой Крокодил!

На адрес Литвиновской потребительской кооперации прибыла партия керосиновых ламп. Об этом скромном событии можно было и не доводить до сведения широких масс, если бы не одно странное обстоятельство: за продажу ламп взялся сам секретарь райисполкома тов. Гарматин.

Расширив таким образом круг своих обязанностей, почтенный секретарь решил, что надо соответственно расценить и товар. Поэтому за лампу, отпущенную местной телефонной станции, он потребовал 270 рублей, то есть в четырнадцать с лишним раз дороже

суммы, установленной райпотребсоюзом.

В обычно хорошо информированных кругах нашего районного центра утверждают, что тов. Гарматин намерен включиться также в продажу керосина. Слухи эти вызвали в коллективе телефонной станции серьёзную тревогу. Потому что тов. Гарматин, очевидно, и керосин расценит в четырнадцать с лишним раз дороже.

Поскольку в таком случае будет гореть не только лампа, но и касса телефонной станции, придётся, естественно, отказаться от лампы.

А. СМЕРНОВ

г. Литвинов,
Ростовской области.

Товарищ Крокодил!

Самым решительным образом протестую против незаслуженных обвинений, которые зачастую предъявляют некоторые граждане, и ты в том числе, к органам связи, будто они не доставляют адресатам телеграмм.

У меня на руках наглядное доказательство того, что работники связи энергично борются с таким злом, как недоставка телеграмм по назначению.

В конце 1942 года Кировский лесозавод отправил в Главное управление специальной деревообрабатывающей промышленности две телеграммы. В 1942 году мы этих телеграмм так и не получили и решили, что они где-то затерялись. Но добросовестные связисты не дали им пропасть и в результате трёхгодичных поисков и хлопот доставили одну телеграмму 18 января 1946 года, а вторую — 7 февраля того же, 1946 года.

Прошу рассматривать данное сообщение как реабилитацию органов связи.

Г. СЛУЦКИН

Москва.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда»

Москва.

Изд. № 219.

Подп. к печати 30/III 1946 г. Статформат 72 × 105 см.

Печ. л. 1½.

Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000

А—02027

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 678.

Тираж 150 000 экз

46

Рис. М. Черемных

ВСЕСОЮЗНАЯ
НИЖНЯЯ ПАЛАТА
ОБЯЗ. ЭНЗ.
1946 г.

1869 м

ИСПАНСКАЯ СЕРЕНАДА